

- Скаков А. Ю. 2011б. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Авидзба В. Ш. (ред.). Материалы Первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований, 115–129.
- Техов Б. В. 1957. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (Древний могильник в с. Тли). Сталинир: Госиздат Юго-Осетии.
- Техов Б. В. 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В. 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Чартолани Ш. Г. 1989. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба.
- Reinhold S. 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Чшиев Х. Т.

Очень приятно познакомиться с новой интересной авторской работой, посвященной одной из малоизученных, но весьма перспективных тем — социокультурному развитию племен древнего Кавказа и связи их культуры с культурой народов Средиземноморья в эпоху бронзы — раннего железного века.

Как известно, с конца XIX и вплоть до второй половины XX в. научные и культурные связи между известными европейскими научными центрами и Кавказом были весьма интенсивными. В дальнейшем взаимный интерес, исследования, обмен в этой области, к сожалению, значительно уменьшились. Тем более отрадно, что проф. Б. Тержан из Люблянского университета решила пойти по стопам плеяды таких выдающихся европейских исследователей кавказских древностей, как Ф. Хегер, Р. Вирхов, Э. Шантр, Г. Коссак, Ф. Ганчар и др.

Актуальность рассматриваемой автором темы подтверждается неоднократным обращением археологов, историков и культурологов к связям в древности между культурами Кавказского региона и Средиземноморского бассейна. Интерес к ней хорошо отражен в названии работы А. А. Захарова еще 1928 года: «Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Несколько археологических параллелей» (Захаров 1928). Уделяли внимание этой проблеме М. Н. Погребова, Д. С. Раевский, Е. И. Крупнов, Б. А. Куфтин, Г. Коссак и многие другие. Появление некоторых орнаментов и категорий материальной культуры в классический период развития кобанской культуры на Кавказе В. И. Козенкова, к примеру, связывала с вероятностью средиземноморского культурного импульса (Козенкова 1996: 92–95, 123)¹.

¹ Особенно приятно было увидеть на рис. 1 рассматриваемой статьи Б. Тержан фотографию склепового некрополя — «города мертвых» нашего родового селения Даргавс, где в одном из склепов покоятся и мои предки.

В работе Б. Тержан рассматриваются археологические материалы могильника Тли, одного из наиболее полно исследованных крупных некрополей Большого Кавказа эпохи бронзы — раннего железного века. Могильник Тли относится к памятникам южной группы центрального варианта кобанской культуры, и новые его исследования одновременно являются важным шагом в изучении древностей эпохи поздней бронзы — раннего железного века всего Северного и Большого Кавказа. Высоко оценивая проведенную Б. Тержан большую исследовательскую работу, в то же время нельзя не сказать о некоторых спорных и даже неясных моментах, несколько снижающих, на наш взгляд, в целом весьма высокий научный уровень ее труда.

Так, в статье говорится, что в Тли были зафиксированы случаи помещения человеческих костей в бронзовые сосуды, и приводится, в том числе, ссылка на работу Б. В. Техова 1985 г. Однако в этой его книге на с. 57, а также в целом во всей второй главе нигде не говорится о захоронениях или о человеческих костях в бронзовых сосудах. Возможно, эта неточность связана с неправильным переводом русского источника, так как захоронения в бронзовых сосудах неизвестны не только в Тлийском могильнике, но и в других памятниках центрального варианта кобанской культуры Кавказа, к которому относится Тлийский могильник.

Далее там же идет речь о том, что разновременные захоронения в гробницах Тли могли быть результатом особых климатических условий и рельефа местонахождения памятника, вследствие чего скелеты, помещенные впоследствии в один ящик, долгое время могли находиться в «домиках мертвых», долгие месяцы ожидая хорошей погоды. Представляется, что в этом случае более прав Б. В. Техов, который связывал наличие потревоженных погребений с тем, что при более поздних захоронениях ранние скелеты просто сдвигались вглубь семейной гробницы. Согласно данным исследований последних десятилетий, климат на Кавказе в эпоху существования могильника Тли был не таким суровым, как в наше время. Также представляется, что в период своего функционирования Тлийский могильник не располагался на крутом склоне, а, как это выявлено для горных могильников кобанской культуры типа Верхней Рутхи или Адайдона, представлял собой ухоженный ступенчатый некрополь с дорожками, дренажем и подходами, также доступный для захоронений и в зимнее время. Также, несмотря на серьезные достижения кобанской археологии в изучении кобанской культуры, до сих пор на кобанских поселениях неизвестны остатки «домиков мертвых».

Разработанная Б. Тержан социально-возрастная классификация мужских погребений, опирающаяся на встречаемость типов и количества оружия в захоронениях, на наш взгляд, требует некоторой корректировки. Так, в рамках своего анализа она относит к I группе погребения мужчин, в захоронениях которых сочетаются кинжал или меч с топором, а ко II группе относит мужчин с кинжалом. При этом первая группа названа автором «предводителями», а вторая — рядовыми воинами — «носителями кинжала». Однако, по подсчетам самой Б. Тержан (рис. 2), количество захоронений первой группы составляет 38,8 % от всех мужских и детских захоронений могильника, а количество захоронений второй группы составляет 15,9 %. Представляется маловероятной такая градация кобанского мужского сообщества и войска в целом, при

которой количество вождей-предводителей превосходит более чем в два раза количество рядовых воинов.

Большой интерес представляет обращение автора рассматриваемой статьи к такой широкой и многоплановой теме, как мелкая пластика. В начале посвященного ей раздела Б. Тержан пишет об особом феномене пластики Тли. На наш взгляд, на сегодняшний день, зная о прямых аналогиях основным категориям тлийской металлопластики в кобанских древностях, следует уже шире взглянуть на данный вопрос. Возможно, здесь более верно будет сказать, что вся пластика Кобани — это феномен Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железного века.

В этом же разделе, к примеру, она обращает внимание на некоторые закономерности в сочетании разных фигурок животных в захоронениях. Справедливо замечание автора о принадлежности особого типа бронзовых подвесок в виде головы барана женским захоронениям, о чем писали Б. В. Техов и другие исследователи кобанской культуры (Техов 1977; Козенкова 1996, 1998; и др.). Далее указывается на принадлежность женскому костюму фигурок и подвесок в виде барана, лошади, собаки, козлов, оленей, быков, «рогатых» птичек. Но здесь же утверждается, что и в мужские погребения клались «бык, олень и птица».

Далее автором рассматриваются бронзовые лопаточки с заостренным стержнем, трактуемые ей, как шпатель «для приготовления специальных яств в некоем ритуальном действии». Здесь надо учесть, что вытянутые, приближающиеся к овалу по форме, предметы с черенками имеют заточку на концах лопастей, а для приготовления «специальных ритуальных яств» скорее подходит ложечка, ступка и т. д. В 1996 г. при раскопках кобанского женского погребения нами также был найден близкий по форме бронзовый предмет. И, как представляется, весьма затруднительно готовить «яства» предметом, сочетающим в себе бритву и иглу. Таким образом, более логично связывать эти вещи с хирургией кобанцев и рассматривать их как некое подобие скальпеля, о чем свидетельствуют наблюдения Б. В. Техова (Техов 1977: 118–120) и В. И. Козенковой (Козенкова 1996: 53).

В дальнейшем речь идет о том, что на основании нахождения в могилах женщин фигурок лошадей (хотя, как замечает сама автор, погребение 99, на которое в том числе идет ссылка, — парное) можно заключить, что могилы эти имеют особый статус. Учитывая вышеприведенные данные, получается, что фигурки и изображения лошадей присущи именно женским погребениям, особенно — женским погребениям с особым статусом. При этом не проведен анализ всех погребений с образом лошади в Тли, а также анализ нахождения фигур лошади в других памятниках центрального варианта кобанской культуры, классическим звеном которого и является Тлийский могильник. Между тем, по свидетельству Б. В. Техова, «самую большую группу скульптурных изображений животных составляют фигурки лошадей» (Техов 1977: 172, рис. 115–116). Однако фигурки и в целом изображения лошадей встречаются в кобанской культуре как в женских, так и в мужских захоронениях. Широко известны удила из Верхнекобанского могильника в виде двойных протом лошадей (Уварова 1900: 32). Также, к примеру, во время наших раскопок на Адайдонском могильнике кобанской культуры в одиночном мужском воинском захоронении был найден кинжал со скульптурными фигурками всадников на навершии.

Автор связывает фигурки лошадей и подвеску с двумя лошадиными головами с мифологическим образом Хозяйки животных — Хозяйки лошадей, тяготеющим к древнему Средиземноморью, Малой Азии и Переднему Востоку. Заметим, что еще в 1977 г. близкую точку зрения высказывал Б. В. Техов (1977: 173). М. Н. Погребова в работе 1984 г. при рассмотрении зооморфных кавказских двуглавых бронзовых фигурок начала I тыс. до н. э. посчитала образ всадницы на двуглавой лошади следствием кавказско-переднеазиатских параллелей, а образ двуглавого барана — кавказско-средиземноморских, допуская, вслед за М. Хидашели (Хидашели 1970), что эти фигурки могут быть отражением культа богини — Покровительницы животных и плодородия (Погребова 1984: 135–143). При анализе этого интересного образа кавказской металлопластики, на наш взгляд, необходимо учитывать, что подвески в виде двуглавых животных в кавказских и кобанских древностях весьма разнообразны и могут трактоваться по-разному. Кроме двуглавых лошадей среди них известны фигурки двуглавых птиц, оленей, козлов, туров, кабана и барана, фантастических животных и др. По всей вероятности, в разных контекстах эти фигурки, в том числе и фигурки двуглавых лошадей, могли иметь разную семантику.

Б. Тержан далее пишет о захоронениях с собаками, имеющих в малоазиатских погребальных культах, и о собаках в мифологии Месопотамии, Малой Азии и Греции. С этими обрядами она связывает нахождение в тлийских погребениях бронзовых фигурок собак, понимая их одновременно как «символ смерти, символ возрождения и символ жизни». Представляется более вероятным все же, что «кобанцы» различали символ жизни и символ смерти. Первый вряд ли изображался ими в виде той же фигурки, что и второй, «демон смерти». Также для кобанских захоронений весьма нетипичны захоронения с собаками. В погребениях Тли более или менее реалистично исполненные фигурки собак весьма немногочисленны, и количественно они не превышают одного десятка (Техов 1977: 172–173). Если принять гипотезу автора статьи, то получается, что менее десяти из 500 погребенных «тлийцев» соблюдали обряд, связанный с «символом смерти, символом возрождения и символом жизни», обряд собаки — «демона смерти». В остальных случаях в некрополе Тли этот обряд игнорировался. Наконец, если собака — «демон смерти», то она должна быть также многочисленна и в мужских захоронениях. Ведь и мужчины, как и женщины, не только живут, но и умирают? Однако в захоронениях мужчин в кобанских могильниках фигурки собак крайне немногочисленны. Также необходимо учитывать то обстоятельство, что привески и в целом детали одежды в погребениях являются частью парадно-обрядового костюма, который при жизни надевался во время обрядов и праздников. Маловероятно, чтобы женщины приходили на празднества, обвешанные инфермальными символами.

По поводу собаки можно добавить, что большое количество птицевидных привесок, которые автором комментария трактуются как «рогатые птички» (только при раскопках Эльхотовского могильника кобанской культуры нами было найдено более 30 подобных фигурок), представляют собой изображение крылатой собаки и находятся в женских погребениях, выполняя роль охранительных оберегов, но не олицетворяя символ смерти. Это неудивительно для скотоводческих племен, отары овец которых как раз защищали реальные собаки. Кроме того, этот образ имеет мифологический смысл и связан с образом древнеиранских представлений о священной собакоптице — Сенмурве

(и, вероятно, отчасти ведической Сараме) (Чшиев 2005: 89–99, 2008: 97–99). Не случайно, что этот образ был очень распространен в кобанской культуре. Например, фигурка крылатой собаки имеется на многочисленных бронзовых кружках кобанской культуры в Тли и в других памятниках в виде зооморфной ручки, «охраняющей» содержимое сосуда и его обладателя. Таким образом, представляется весьма сомнительным, чтобы этот «благодетель» для «кобанцев» образ был символом смерти.

На основании наличия в женских погребениях привесок в виде головы барана Б. Тержан пишет об «особом положении женщин с фигурками баранов», аналогично — о скипетрах с баранами и о привесках с головой барана, которые она понимает опять «как особые символы и атрибуты, но также как амулеты, отличающие женщин высокого ранга, таких, как, например, Медеев». Их наличие в погребениях трактуется ею как указание на особый статус женщин, их способности к целительству. Однако если мы обратимся к фактам, то окажется, что в Тлийском могильнике «привески в виде бараньих голов насчитываются сотнями» (Техов 1977: 165). Далее Б. В. Техов пишет: «Рассматриваемые привески встречались <...> в каждом женском погребении» (Техов 1977: 166). Получается, что **все** Тлийские женщины связаны с **«особым статусом, целительством и врачеванием»**, с чем трудно согласиться.

Одновременно сама автор справедливо указывает, что изображения барана многочисленны также на разных предметах из Тлийского могильника. Добавим, что не только в Тлийском могильнике, но и в других памятниках кобанской культуры весьма многочисленны фигурки и головки баранов на разных предметах, связанных не с женским, а с мужским костюмом, вооружением и т. д. Это фибулы, кинжалы, удила, булавки и пр. Например, реконструированный В. И. Козенковой костюм из мужских погребений Сержень-Юртовского могильника кобанской культуры содержал булавку, навершие которой было оформлено в виде бараньих рогов (Козенкова 2002: рис. 24). На наш взгляд, как и в случае с фигурками лошадей, эти образы в разном виде и в разных контекстах имеют различные смыслы. Не случайно, что в женских погребениях встречается именно определенный («канонизированный») тип привесок с головой барана.

Еще Б. Тержан указывает на наличие посоха с протомой двуглавого барана в двойном погребении № 41 и посоха с фигуркой собаки в женском погребении № 217. На этом основании она вновь делает вывод об особом статусе этих женщин. Однако, исходя из приведенных выше данных, следует, что наличие образа барана на посохе не делает автоматически этот предмет женским. Посох из этого двойного погребения, безусловно, принадлежит мужчине, так как не содержит характерную для «женских баранов» иконографию. Не случайно Б. В. Техов все посохи (скипетры) относит к мужским атрибутам, поместив их описание в главу своей монографии под названием «Предметы, связанные с мужским костюмом» (Техов 1977: 152 и сл.). Это вовсе не означает, что женских посохов или скипетров не было в принципе, но на этот счет пока нет достоверных данных, в том числе из новейших раскопок.

Далее Б. Тержан пишет о том, что «баран и баранья шкура, как и рудные месторождения и добыча руды, ассоциируются с Медеей и Колхидой или с богатыми рудами Кавказом». В 1988 г. А. П. Мошинский связал образ крылатого барана, имеющийся в кобанской металлопластике (бронзовые нагрудные

бляхи), с греческим мифом об аргонавтах. В частности, исследователь убедительно показал связь этого кобанского образа с солярностью, благодатью и т. д., проведя параллели с мифом о греческой богине Нефеле, крылатом баране, Золотом руно, Кавказом и Средиземноморьем (Мошинский 1988: 34–41). Рассматривая кобанские птицевидные привески с головой барана и поясные пряжки в виде крылатого барана, автор настоящего комментария пришел к выводу о связи этих образов, в том числе, с мифологическими представлениями, близкими этому же мифу о Золотом руно (Чшиев 2007: 8–9). Необходимо отметить, что миф об аргонавтах или миф о Золотом руно, о «прибытии» на Кавказ из Средиземноморья крылатого барана и т. д. — это не совсем то же самое, что миф о Медее. На наш взгляд, в кавказских материалах и, в частности, в кобанской культуре, вполне могут присутствовать элементы первых, тем более что, как полагают специалисты по фольклору (см. Немировский 2000; и др.), в рассматриваемом мифе и его образах присутствуют многие догреческие пласты. Другое дело миф о Медее²...

На сегодняшний день можно признать, что анализ семантики огромного пласта кавказской и в целом кобанской металлопластики, зооморфных, антропоморфных и фантастических изображений в кобанских древностях ждет еще своего исследователя. И в этом плане работа Б. Тержан, написанная с привлечением археологических источников и данных мифологии, весьма интересна, актуальна и содержательна. Весьма приятно также, что Б. Тержан с интересом и большой любовью пишет о предмете своего исследования, исподволь погружая читателя в чарующий и захватывающий мир древних народов и их легенд.

Литература

- Захаров А. А.* 1928. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Несколько археологических параллелей // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам. Т. 2. М.: РАНИОН, 33–45.
- Козенкова В. И.* 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН.
- Козенкова В. И.* 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли.
- Мошинский А. П.* 1988. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Кузнецов В. А. (ред.). Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 34–41.
- Немировский А. И.* 2000. Мифы древности: Эллада. Собрание трудов. М.: Лабиринт.
- Погребова М. Н.* 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука.

² Как известно, едва ли не единственным отрицательным персонажем мифа об аргонавтах является Медей. Ясно честно заслужил руно, Ээт как мог, защищал благополучие своей страны и народа и т. д. В то же время нет числа преступлениям, которые совершила Медей: убийство беззащитного брата, кража Золотого руна, предательство отца, бегство на чужбину, убийство своих детей, Главки, Креонта и пр. Благодаря ей Золотое руно давно уже покинуло Кавказ. Стоит ли нам «гордиться» такой землячкой?..

- Техов Б. В.* 1985. Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII—VI вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В.* 1977. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба.
- Уварова П. С.* 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Типография Общества распространения полезных книг.
- Хидашели М. Ш.* 1970. Некоторые религиозно-культурные параллели между Кавказом и Луристаном // Кавказско-ближневосточный сборник III. Тбилиси: Мецниереба.
- Чшиев Х. Т.* 2005. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Нарожный Е. И. (ред.). Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 5. Армавир: Центр археологических исследований Армавирского пед. ун-та, 89–99.
- Чшиев Х. Т.* 2007. Звонящий голос древней бронзы // Северная Осетия (газета) № 144, 10 августа. Владикавказ.
- Чшиев Х. Т.* 2008. К вопросу о северо-кавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // РА 3, 97–99.